

Лауреат премии

Рукопись года

Юлия Шамаль

СИСТЕМА

ОНА НИКОГДА НЕ ЛЖЕТ · ОНА АБСОЛЮТНО СПРАВЕДЛИВА · ОНА УБЬЕТ ТЕБЯ

Юлия Шамаль

Система

Серия «Виноваты звезды»

indd предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/51097454>

Юлия Шамаль Система:

ISBN 978-5-17-119434-5

Аннотация

<p>Будущее наступило, каждому человеку на планете отныне присваивается рейтинг. От количества баллов зависит качество жизни. Дочь одного из создателей Системы Лара Смирнова стремительно начала терять баллы. По собственной дури, не иначе, ибо чего ей, казалось бы, не хватало? Муж-умница, человеческая работа – редкость по новым временам, у людей работы почти нет. Ей бы взять себя в руки да исправиться, но нет же – Лара скатилась к самому дну, о котором она еще вчера не имела ни малейшего понятия. Зоны, забытые умирающими людьми, не нужными после Первой и Второй беспилотных революций. Дикое гетто для одиозных, где ей предстоит научиться выживать. И приглашение присоединиться к штабу Сопротивления, к жалкой кучке сумасшедших фанатиков. Ведь нормальный человек никогда не решится бросить вызов самой Системе...</p>

Содержание

Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Юлия Шамаль

Система

Серия «Виноваты звезды»

Дизайн обложки: Юлия Межова

© Юлия Шамаль, текст, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Будущему или прошлому – времени, когда мысль свободна, люди отличаются друг от друга и живут не в одиночку, времени, где правда есть правда и бывшее не превращается в небыль. От эпохи одинаковых, эпохи одиноких, от эпохи Старшего Брата, от эпохи двоемыслия – привет!
Джордж Оруэлл. 1984

Я смотрела на электронное табло за спиной эмиссара абсолютной Свободы и понимала, что время уходит. Такие табло расставили во всех эмиссариатах, чтобы отлавливать нарушителей десятиминутного присутственного правила. В самом деле, очереди большие, если каждый начнет рассусоливать за счет свободы других... Мое время истекало: из десяти минут прошло уже пять, а мы до сих пор не сдвинулись

с мертвой точки.

Я попыталась еще раз:

– Поймите, у меня не может быть такого низкого рейтинга! Это какая-то ошибка!..

Эмиссар душераздирающе зевнула, посмотрела сквозь меня и навалилась большой грудью на стол. Гладкая, полная, самодовольная, она все еще носила прическу, которая вышла из моды эдак в середине две тысячи тридцатых.

– Какие наши главные ценности? – задала эмиссар казенный вопрос.

Не отвечать на такие вопросы было нельзя.

– Свобода, доверие, открытость, – сказала я несколько более вяло, чем надо бы.

– Вот! – Эмиссар подняла указательный палец, на котором сияло крупное кольцо с нефротом – не путать с нефритом – новейшим достижением биобижутерии. – Вот именно! Свобода, Доверие и Открытость!

Я с тоской посмотрела на табло. Оставалось три минуты сорок секунд.

– Разве Свободой и Доверием объясняются ваши поступки? Вы опоздали на три дня с платежом по кредиту! И не предупредили банк!.. Вы не могли не понимать, что это автоматически понизит ваш рейтинг.

– Да, но это же первый раз за всю мою жизнь! У меня всегда была отличная кредитная исто...

– Это не все. – Эмиссар легким прикосновением разбу-

дила стоящий перед ней монитор: вспыхнули и разбежались по экрану разноцветные цифры и графики, в правом верхнем углу всплыл мой профиль. В тревожной грязно-зеленой рамке. – Вот что еще повлияло – ваши запросы в Сети...

Три минуты десять секунд.

– Зачем вы все время ищете гадкие истории? Какие-то убийства, ограбления, маньяки, потом Калигула этот почему-то... Нормальный человек в три часа ночи не будет по двадцати разным источникам собирать информацию про Калигулу, он спать будет... Вот еще запрос: совокуплялась ли Екатерина Вторая с конем или это миф. Ну будь вы зоо, я бы еще поняла, но у вас же в статусе заявлен «гендер традиционный». Вы странно себя ведете.

Две минуты.

– Количество, а главное качество употребляемых вами слов – вот опять-таки, все же как на ладони, я ничего не придумываю – посмотрите сами!

Эмиссар слегка развернула монитор – так, чтобы мне тоже было видно.

– Пожалуйста, последний ментальный скрининг: в вашем ежедневном словаре только четырнадцать и три десятых процента слов лексически соответствуют принципам Свободы, Доверия и Открытости. Только четырнадцать! А семьдесят восемь процентов вашего вокабуляра говорит о том, что вы тревожны. Семь целых семь десятых процента произносимых вами слов свидетельствуют об агрессии по отно-

шению к общественному устройству, ваши СС-друзья, между прочим, это отмечали. И это при всем при том, что у вас есть человеческая работа! Вы что, ее не цените, я не пойму? Слово «Доверие» и производные от него в прошлом месяце вы четырнадцать раз написали с маленькой буквы! У вас же грамотность 99 %, вы зачем это делаете? И вам еще не нравится, что ваш рейтинг снизился до семи? Удивляюсь, что он у вас не три – с такими-то данными.

Одна минута. Я кусала губы и изо всех сил крепилась. Давать волю слезам в эмиссариате – последнее дело. Эта гримза еще один балл может срезать, с нее станется.

– Меня же уволят, – пробормотала я.

– Ну вот, опять, – вздохнула эмиссар. – Слово из прошлого. Свидетельствует о не-Доверии к Системе. Не уволят! А о-Сво-бо-дят!

Раздался электронный сигнал, говорящий о том, что до конца моей присутственной сессии осталось тридцать секунд.

Эмиссар протянула руку и прикрыла ладонью мои дрожащие пальцы.

– Поймите, – сказала она тем проникновенным тоном, каким умеют говорить только профессиональные эмиссары и только под конец очной сессии с посетителем, – у вас нет поводов для беспокойства. Система – абсолютно справедлива. В отличие от людей она не страдает тревожностью, беспокойством, не-Доверием. Она просто отражает вас. Как толь-

ко вы приведете себя в порядок – ваш рейтинг повысится.

Большая слезинка предательски скользнула по моим ресницам и капнула на жирную ненавистную руку. Как раз рядом с нефротовым кольцом. Раздался звук гонга. Сессия была окончена.

– Все-таки ваш рейтинг не семь, – сказала эмиссар, брезгливо вытирая руку салфеткой. – То-то я удивлялась. Подтверждаю шесть, и то, как говорится, за красивые глаза. Освободите кресло посетителя.

Я не чувствовала в себе достаточно сил, чтобы встать и освободить кресло, и поэтому продолжала сидеть. Рядом вырос худой прыщавый пацан в серой форме и неторопливо загнусавил.

– Госпожа посетитель! Напоминаю о том, что вы живете в Обществе абсолютной Свободы. Согласно статье шестнадцатой главы третьей Всеобщей конституции ваша личная свобода не должна стеснять личную свободу других членов общества...

Я устало поднялась.

– Заткнись, придурок, – сказала я пацану и лишилась еще одного пункта рейтинга.

Глава 1

Пять

Двенадцать баллов – это был рейтинг мечты. Такой рейтинг позволял брать легкие и дешевые кредиты. Получать социальные пособия. Рожать детей. Иметь персональный автомобиль. Покупать и оформлять в собственность недвижимость. Выбирать себе работу из реестра вакансий, а не торчать годами на свободной бирже.

Двенадцатибалльник имел право бесплатно поступить в высшее учебное заведение. Получал доступ к магазинам органических товаров. Пил воду категории А и дышал А-воздухом, так как имел право жить и отдыхать в экологических зонах премиум-класса, соответствующих двенадцати баллам. Мастера биобижутерии выезжали на дом. Двенадцатибалльник пользовался лучшими достижениями цивилизации – то есть практически жил в раю.

Но главное, двенадцать баллов означали уважение и достойное место в обществе.

– Двенадцать – это Доверие. Запоминаем, дети, оба эти слова начинаются на Д, – так учили детей в первом классе Свободной школы.

Говорили, что сам Универсум – универсальное приложение, объединяющее социальные сети, платежную систему и

портал госуслуг, – когда-то программировался именно под запросы двенадцатибалльников. Им была доступна престижная рамка профиля – оранжевая.

Оранжевый двенадцатибалльник был ярким и понятным символом того, что такое рейтинг. И что может дать человеку Система, если человек ей доверяет. Нет, не так, Доверяет с большой Д.

Главным в рейтинге была его абсолютная честность и непредвзятость. Впервые в истории людей наконец-то начали оценивать не по рождению, богатству или образованию. А по морально-нравственным качествам и социальным привычкам.

Система действовала просто: если человек вовремя платил кредиты, не имел за душой серьезных правонарушений (а мелкие штрафы гасил исправно), не вел предосудительных речей и не строчил в Сети ничего подозрительного, если его запросы в соцсетях не содержали ничего запрещенного и соответствовали заявленному сексуальному статусу, если в друзьях у человека были, в основном, приличные люди и отзывались о нем хорошо – то такому гражданину Система присваивала искомые десять-двенадцать баллов. Символ состоятельности и успеха.

«Если будешь хорошо учиться, станешь десяти-, а может, если Небо позволит, и двенадцатибалльником. А перед двенадцатибалльником открыты все двери, – так в детстве говорила мне мама. И грустно добавляла: – Как раньше было у

отца...» При этом она кивала на храпящего на диване вечно пьяного батяню, который скатился до семерки и тренд имел хуже некуда. Я смотрела на отца с презрением и недоумевала, как можно было до такого дойти – взять да и растерять свой рейтинг!

Я всегда была уверена, что со мной такого в принципе не могло произойти: в отличие от отца я не пила, работала, соответствовала статусу и вообще. И вот поди ж ты.

* * *

«Как мама все это переживет?» Это было первое, о чем я подумала, когда на ватных ногах спустилась по ступенькам эмиссариата. Сейчас она заглянет в мой профиль, чтобы узнать, как дела, увидит пять баллов и все... Разразится катастрофа.

Знаете это чувство, когда происходящее кажется кошмарным сном?..

Не понимая, что теперь делать, я присела на скамеечку у входа рядом с хорошо одетой пожилой женщиной. Дама равнодушно смерила меня взглядом, привычно скользнула глазами по моим биочасам, заметила цвет профиля и подскочила как ужаленная. Встала, отошла в сторонку, кутаясь в натуральную шаль, – с севера дул холодный ветер. Ну и скребь с ней, с этой стервой. Я натянула рукав пальто пониже, чтобы прикрыть экран биочасов.

Не отморозить бы себе на этой скамейке пятую точку – в замечательном-то климате нашей зоны В. Которую мне, кстати, предстоит скоро покинуть, если я не верну прежние цифры... При этой мысли меня прошиб холодный пот. Я всю жизнь прожила в благополучном районе и понятия не имела, что происходит с людьми, которым приходится уезжать в нижние зоны.

В детстве, кстати, этот вопрос живо меня интересовал. Когда я училась во втором классе Свободной школы, я как-то раз спросила учительницу, что происходит с людьми, у которых рейтинг падает до нуля? Высокая чернявая и очень молодая Рита Фаустовна разволновалась и сказала, что таких людей не бывает. Именно поэтому, мол, школьная табличка номер один ставит нулевикам прочерк. Их не существует. Это, мол, гипотетическая вероятность. И вообще люди всегда только улучшают, а не ухудшают свой рейтинг. Такой ответ меня не устроил, и я повторила вопрос дома. Мама тоже сказала, что нулевиков не бывает. А отец возразил, улыбаясь:

– Еще как бывают...

– Фу, Федя, прекрати, – сказала мама испуганно.

Отец подмигнул мне:

– Не слушай женщину, Лара, она трусит сказать правду.

Бывает такое, что человек скатывается до нуля.

– Это я трушу?!

– И что тогда с человеком происходит?!

Эти два вопроса мы задали хором. Мамин вопрос отец проигнорировал, а мне ответил задумчиво:

– Ну как тебе сказать... Скажем, его отключают от Системы.

Тут мама возмущенно прервала разговор, и у них началась обычная перепалка про «с ума сошел» и «не при ребенке».

– Уж я-то имею право это ей сказать!

– Зачем ей вообще это все знать? Ей это, тьфу-тьфу, не грозит!

– А с чего ты взяла, что не грозит?!

– Система не допустит!

– Ах, Система?!

Тут батя громко и грозно выругался по адресу Системы, всех ее создателей и их подлинных намерений. Мама зажала ему рот:

– Тихо, ты! Баллы и так хуже некуда.

И добавила горько:

– Мою жизнь ты сломал, не смей портить будущее моей дочери... У нее есть все шансы.

Это была правда, в школе я подавала большие надежды – по крайней мере так считали учителя и родители. В день девятилетия меня, как и всех достигающих этого возраста школьников, зарегистрировали в Системе. В моем случае это сделал не классный руководитель, а лично директор – да еще

с небольшой поздравительной речью, потому что я была отличницей. На следующий день эмиссар торжественно надела на меня первые, пока еще простенькие биочасы. Это было важное событие для всей семьи – мама заплела мне красивую косу и заказала столик в органическом ресторане.

Этот вечер врезался в мою память: батя, как обычно, выпил лишнего и начал громко ерничать на тему, какое же это чудо – биочасы! Как здорово, что их изобрели. Какое же мы счастливое поколение – у нас есть рейтинги, биочасы, а главное – биобижутерия! Каждый желающий теперь может вставить себе в задницу умный, а главное – красивый сфинктер! «Что такое сфинктер?» – спросила я громко. Сидевшая за соседним столиком женщина оглянулась на нас и рассмеялась. После этого мама окончательно вышла из себя и пригрозила эмиссариатом, а батя вздохнул, иронически выпил: – Ну, за Свободу, – и надолго замолчал.

Отец был диссидентом-одиночкой. Я ни разу не слышала, чтобы кто-либо кроме него когда-либо ругал Систему. Это было так же глупо, как поносить беспилотники, или телемедицину, или научный прогресс как таковой. Система была нашей средой, нашим воздухом, нашей защитой, высшим достижением и мягким климатом нашей цивилизации.

Интересно, что мой отец и его близкий друг дядя Леня были прародителями Системы.

В молодости они работали программистами первой кате-

гории, это их отдел писал программы первых ментальных скринингов, на которых сейчас строится работа всех эмиссариагов и всей Системной полиции. Отчетов о личности человека и его намерениях.

Толчком к созданию скринингов стали так называемые школьные расстрелы. Я не понимала, что это такое, а отец объяснял:

– Дети приходили в школу с оружием и расстреливали одноклассников. Убивали, да. Я видел собственными глазами: весь класс в крови, учительница дергается в конвульсиях на полу между партами...

В этом месте мама, как правило, просила избавить нас от подробностей, и отец продолжал:

– И самое удивительное, что эти подростки долго и откровенно готовились. За полгода начинали выкладывать в Сети фотографии преступлений, восхищаться ими. Писали в открытую: «Я всех ненавижу! Я буду убивать!» – и никто не реагировал.

– Почему?

Отец пожимал плечами.

– Не верили. Тогда считалось, мало ли, кто что пишет. А Леня первый сказал: надо заниматься преступлением не ПОСЛЕ того, как оно совершилось, а до!

Этот Леня одно время часто захаживал к нам в гости по вечерам. Среднего роста, скромный и, на первый взгляд, очень застенчивый человек. Узкие внимательные глаза. «Ко-

гито, эрго сум» – первая фраза на латыни, которой меня зачем-то учил дядя Леня: «Мысль – следовательно, существую». Он развивал эту идею: «И, следовательно, действую. Мысль о преступлении – сама по себе уже преступление, правы были древние христиане».

Отец был не согласен, они часто спорили и даже ругались, и вся дяди-Ленина застенчивость при этом куда-то девалась. «Нельзя же судить и наказывать за мысли!» – кричал батя. «Это ты родителям убитых детей скажи, про мысли!.. – У дяди Лени был высокий голос, который, когда он волновался, срывался фистулой. – Мысли становятся реальностью, пойми ты!» «Я не буду в этом участвовать! Нужна грань!» – и, вспоминая про грань, папа, как правило, грохал кулаком по столу.

Так они ругались, наверное, с год, батя то и дело громогласно «уходил с проекта», но в итоге им удалось найти загадочную грань и алгоритмизировать ее. Написанная дядей Леной и моим отцом программа фьючерсных ментальных скринингов произвела фурор и мгновенно сделала их знаменитыми. Программа Фельдмана – Смирнова (фамилии дяди Лени и моего отца соответственно) определяла с вероятностью 99,9 %, перейдет ли потенциальный преступник от слов к делу.

Это была революция.

Дядю Леню назначили координатором Единой межгосударственной программы по контролю над агрессией, отец

стал его первым замом. Многие годы ушли на то, чтобы отладить программу и встроить ее в Систему. Это благодаря отцу и его лучшему другу ни одно грубое слово больше никому не проходит даром. Отец лично добивался того, чтобы алгоритмы, анализирующие лексикон человека, не просто маркировали агрессивные слова, но и учились читать между строк – использовали психологические и психолингвистические аналитические платформы. Плюс – считывали через биочасы и кончики пальцев давление, температуру и прочие кожно-гальванические реакции в момент употребления человеком тех или иных слов. В итоге Система научилась узнавать намерения преступника раньше, чем он сам!

Это была гигантская работа. Отец и дядя Леня были награждены орденами «За особые заслуги перед Обществом абсолютной Свободы» первой степени.

Помню вечер, когда они пришли с орденами на груди, мама суетилась и накрывала на стол, а они сидели рядом и молчали. Труд всей их жизни был завершен, мечты сбылись, и им было нечего больше друг другу сказать. Идеальная система контроля была создана, отлажена и запущена в мировом масштабе.

Дядя Леня после этого исчез, я больше его никогда не видела. А отец запил.

В восемнадцать лет я закончила Свободную школу и сдала ЕРЭ (единый рейтинг-экзамен) на восемь целых девяносто

восемь сотых балла. Система оценила меня очень неплохо – особенно если учесть, что мой ближайший родственник пил и вел себя неадекватно. Правильное поведение в Сети и регулярное участие в Системных программах позволили мне поднять баллы до девяти, а потом и до десяти. Но на десятке я застряла. До престижных двенадцати мне вечно чего-то не хватало.

– Почему они могут, а я нет? Какое-то во мне «недо»... – понуро размышляла я, разглядывая в Универсуме гжуче красивые профили знакомых двенадцатибалльниц, успешно переехавших в зону А.

Мама считала, что во всем виноват отец.

Жить десятибалльницей вполне себе было можно, но, конечно, не на очень широкую ногу. Я имела право на желтый цвет профиля в Универсуме, на органические продукты, но в целом качество жизни мне полагалось гораздо скромнее, чем двенадцатибалльникам. Жить, например, я могла только в зоне В, не выше. А это значило, что приличные климат, вода и воздух, так же как безболезненная ВИП-косметология и биобижутерия премиум-класса тоже пока были недоступны. Я утешалась тем, что, например, у восьмибалльников не было и того, они носили, ели и пили сплошь дешевую синтетику, а жить могли только в непрестижных регионах – на запад дальше Уральского хребта вход им был заказан.

Я жила с родителями – так было экономнее и добавля-

ло четверть балла в рамках Программы поддержки пожилых людей.

Однажды мама отвела меня на кухню и сказала, что нам нужно серьезно поговорить. Я догадывалась, о чем. Папино состояние в последние дни и огромные темные круги вокруг маминых глаз. Двух тем для серьезного разговора у нас быть не могло. Так и оказалось.

– Дочка, пора принимать решение, – мама теребила пластиковый ремешок биочасов, было видно, что этот разговор дается ей тяжело. – Ситуация сложилась так, что... В общем, мне нужно выбирать между тобой и им. И я выбрала.

Отец окончательно все испортил. Ладно бы он просто пил, болел и сквернословил, как раньше. Мамина подруга-врач со связями в эмиссариате уже много лет позволяла нашей семье успешно лавировать, не выходя за рамки зоны В. Так оно продолжалось бы и дальше, если бы позавчера отец не начал методично и ежечасно ругать Систему. В самых отборных выражениях. Он говорил, что мы построили не общество свободы, а общество подавления. Что это фарисейство и лицемерие. Что все это нужно разрушить и вернуться к тому, с чего начали. Что зря он тогда Леньку слушал... При этом он мучительно кашлял, а вчера мама заметила на его носовом платке кровь.

Личный батин рейтинг, понятное дело, падал каждые сутки – перезагрузка профиля происходила в полночь. Мы разговаривали в 23.45. На этот момент рейтинг моего отца, ока-

зывается, составлял уже три балла. Я ужаснулась. Плохо дело.

– Через пятнадцать минут мы можем увидеть все что угодно, – шептала мама, комкая скатерть. – Выход у нас только один...

Я понимала, о чем она говорит. Если рейтинг члена семьи резко падает – Система дает трое суток на исправление. Если член семьи не исправился – рейтинг всех остальных понижается до его уровня. Либо семья может отказаться от такого родственника, официально уведомив эмиссариат. Батя исправляться не собирался – о чем свидетельствовал доносившийся из его комнаты поток пьяной брани в адрес Системы. Которая, как известно, нас защищала, кормила и сохраняла в целостности и здравии.

Мама снова заплакала насчет «этого придурка», который сломал ей всю жизнь. В общем-то, она была права. Если нас понизят до батиного трехбалльного уровня – зоны D – это означает переезд за две тысячи километров в промышленный район с отравленным воздухом. О любимом органическом кофе и йогурте из настоящего молока, который так любит моя худенькая, вечно мучающаяся гастритом мама, можно забыть навсегда. Как и о подругах, которые сейчас как ошпаренные выскакивали из маминых СС-друзей в Универсуме, видя, как грозно валится рейтинг ее мужа.

– Сучки, – оценила их мама, вытирая слезы. – Но главное-то, главное – ты!

Это тоже была правда. Если я попаду в зону D, я могу практически навсегда забыть о приличном замужестве и вообще о нормальном будущем.

В 23.58 мамин палец с безупречным маникюром нажал кнопку «отправить» под «Уведомлением о расторжении родственных связей» на имя эмиссара. В полночь бадины био-часы показали два балла. Мы успели.

В зоне В отец больше находиться не мог. Утром прибыл беспилотник с сотрудниками эмиссариата. Мать старалась, чтобы я этого не видела, я и не хотела смотреть, но как-то само вышло: помятого, грязного и похмельного, моего отца во дворе запикивали в салон беспилотника. Собрались соседи. Я смотрела на него, испытывая законное отвращение, и вдруг в памяти всплыло, как он водил меня за руку в школу. Не знаю, почему я вспомнила. Он шел рядом со мной, статный, красивый, в идеально выглаженной белой рубашке, на него весело посматривали соседки, а я страшно гордилась новеньким орденом на его груди... В тот момент, когда я это вспомнила, отец поднял голову, и мы встретились глазами. Больше я его никогда не видела и понятия не имею, что с ним стало. Его должны были отвезти в зону Е, куда-то на юго-запад за пределы Московии, – согласно его двум баллам. Что там делали с людьми – я не знала. В голову не приходило, что нужно бы знать...

Как из-под земли рядом с мамой выросла тетка-эмиссар,

чтобы зачитать обычную в этих случаях благодарность за «сохранение базовых ценностей общества абсолютной Свободы». Закончив зачитывать официальный текст, эмиссар от себя поблагодарила нас за гражданскую позицию и подтвердила прежние девять маминых и десять моих баллов. Мы могли выдохнуть.

...«Пилик-пилик!» – сигнал биочасов прервал мои воспоминания. Я вздрогнула, осознала, что по-прежнему сижу на скамейке под зданием эмиссариата, тупо уставившись в одну точку, и с трудом заставила себя посмотреть на экран биочасов. Небесная благодать, это пока не мама. Это уведомление о температуре тела – 37,3. Скрезь Небесная, еще и простуда начинается...

Удивительно, что мать не звонит – наверное, просто еще не заглядывала в мой профиль. И, хвала Небу, пока не звонит Тим.

Я вспомнила про Тима, и мне стало бесконечно стыдно. В сотый раз подведу этого бесконечно терпеливого ко мне человека. Как мне теперь смотреть ему в глаза...

«Ты такая же, как я, только похуже немного», – с такой эсэмэски когда-то начался наш роман. Сначала я обиделась, но потом поняла, что это он так заигрывает. Одиннадцатибалльник пишет десятибалльнице из самой зоны А. Это же явный виртуальный рывок за косичку! А я-то уж думала, что

наши отношения закончены...

Хотя то, что было у нас в Московии, отношениями в полноценном смысле этого слова, наверное, назвать было нельзя. Мы немножко гуляли по осеннему золотому парку, немножко ходили в кафе, один раз подержались за руку и ни разу не целовались. Потом он уехал в зону А, и я думала, что на этом все кончено, но, оказывается, на этом как раз все только началось. У Тима появилось, что мне предложить.

Наша свадьба была скромной, в духе моды: я, Тим, представитель эмиссариата и родители с обеих сторон. По иронии судьбы мы сидели в том же ресторане, где когда-то отмечали мои первые биочасы. Только моего отца теперь с нами не было... Мама была довольна – Тим был молчалив, терпелив и добродушен, часто улыбался и не спорил по пустякам. Но главное, мы ждали, что Система поднимет мне баллы до уровня супруга, мой тренд был положительным, и все, казалось бы, шло именно к этому.

Прямую трансляцию нашего брака в Универсуме было не видно из-под лавины виртуальных сердечек, подружки подружек писали Тиму дифирамбы и наперебой добавлялись ко мне в СС-друзья.

Однако все вышло не совсем так, как мы рассчитывали. Точнее, совсем не так. На третий день после свадьбы оказалось, что мой рейтинг остался прежним, а вот у Тима пропал один пункт. Он снова стал десятибалльником. Видимо, что-то в браке со мной насторожило Систему, несмотря на мой

положительный тренд.

Мы написали апелляцию в эмиссариат, просили пересмотреть наши ментальные скрининги, но без толку, цифры остались те же.

Я уверена была, что все это сильно ударит по самолюбию Тима и по нашим отношениям. Почти все А-друзья удалились из его окружения, чтобы не портить себе статус. На работе его сняли с проекта и перевели на другой, попроще (хвала Небу, что не тронули зарплату и должность). Но самое ужасное, что ему пришлось оставить свои только что отремонтированные апартаменты в зоне А, в чистейшем климате на берегу моря, и вернуться в зону В, в Московию, откуда он так успешно недавно вырвался. Я ходила, втянув голову в плечи, чувствовала себя страшно виноватой и боялась смотреть ему в глаза.

– Лара, посмотри на меня, – сказал он на десятый день после свадьбы, распаковав последний контейнер с вещами.

Я молчала и отворачивалась.

– Посмотри на меня, сядь рядом и дай мне руку.

Я повиновалась, чувствуя, что подбородок начинает предательски дрожать. Тим обнял меня за плечи и погладил по голове.

– Дурочка, – сказал он ласково, – ну что ты плачешь, это же все ерунда, мы это с тобой поправим. Мне очень жаль, что пока не получается перевезти тебя в зону А, но мы это обязательно сделаем. Переедем на берег океана, снимем дом...

У нас родится ребенок, и он будет дышать натуральным воздухом, я тебе обещаю.

Он не винил меня ни на полкрипта, представляете? Я рыдалась.

Я начала стараться – записалась на все возможные программы по улучшению трендов, на тренинги позитивного мышления, на семинары по преодолению негативной эмоциональности и так далее. Кредиты я старалась платить за два-три дня до срока. Строго контролировала речь и поведение. Питалась и выполняла йога-комплекс строго по календарю «Телемеда». Я делала все для того, чтобы поднять баллы, – по крайней мере, в первые годы нашего брака. Тим тоже старался.

«Переехать в зону А, купить дом и воспитать сына», – такую общую позитивную цель мы указывали во всех программах, направленных на повышение рейтинга.

Двадцать четыре часа в сутки я чувствовала горячую благодарность к Тиму. Он совершил ради меня благородный поступок и баллом заплатил за это.

Смогла ли бы я пожертвовать рейтингом ради любви к нему? Если честно, не знаю. Ни с кем ниже своего уровня я вообще старалась не общаться. Да там и общаться-то было, честно говоря, особо не с кем.

От шести до восьми баллов шла зона С. Работающие обитатели Сибири, Зауралья, Дальнего Востока и Восточно-

го Китая, спившиеся интеллектуалы, плохо воспитанные и малообразованные сотрудники доживающей свой век рыбо-мореходной индустрии. Эмиссары зоны В называли их «недолюди». «Недо» – потому что многие из них все-таки еще работали, принося Обществу абсолютной Свободы хоть какую-то пользу.

Баллом ниже шли и вовсе «нелюди»: бесполезные члены общества, не производящие никакой добавочной стоимости, умеющие только потреблять.

От трех до пяти баллов имел так называемый броветариат (забавное слово, видимо, образовавшееся от устаревшей аббревиатуры БПВ – «безработные прошлого века»). Люди, которые не вписались в научно-технический прогресс. Костяк броветариата составляли водители, пилоты, машинисты электропоездов, операторы башенных кранов, разнорабочие и прочий люд, лишившийся работы после Первой беспилотной революции. Те, кто умел работать только руками. И бывшие мелкие банковские служащие, чьи обязанности гораздо лучше и быстрее выполняли программы. Они не имели права жить за пределами зоны D в Средней Азии. Неприятные термины «гетто» и «резервация», которыми одно время изобиловала пресса, Система перевела в разряд нежелательных после беспорядков, следовавших сразу после Первой беспилотной.

От одного до двух баллов составляли ЛВС – личности вне Свободы. Отбросы общества. Опустившиеся люди с отрица-

тельными трендами. В детстве они меня тоже очень волновали (как будто заранее предчувствовала, Небесная скрежь!), но учительница Рита Фаустовна объяснила, что воспитанным девочкам интересоваться такими вопросами неприлично. Меня же не беспокоит, например, куда деваются отбросы, которые я спускаю в канализацию. О них позаботятся специальные службы, это все, что мне нужно знать.

Ноль баллов существовал исключительно в виде страшных фиолетовых слухов и прочерка в школьной табличке номер один.

Интересно, что всего пятьдесят лет назад никакой Системы не было и в помине. Зон, биочасов и Универсума тоже. Люди пользовались Интернетом, тысячами приложений и – странная штука! – десятками пластиковых карточек. Одни карточки служили для начисления зарплаты, другие подходили для уплаты налогов и соцвзносов, третьи играли какие-то идентификационные роли. Были даже карточки для получения скидок в магазинах, причем каждый магазин выдавал свою отдельную карточку. Мне все это казалось нелепым, я хихикала и не верила, пока мать не залезла на антресоли, не достала поношенную косметичку и не вывалила мне на колени штук пятьдесят тех самых карточек.

«Все это было неудобно», – рассказывал отец и показывал мне маленький бумажный раритет под названием «паспорт» – прапрадедушку Единого идентификационного кода.

Дипломы, медицинские страховки, права на недвижимость и автомобиль существовали по отдельности и тоже в бумажном виде, с ума сойти, как же предкам было неудобно!

«Всю эту информацию нужно было объединить, – продолжал отец. – Сначала в качестве эксперимента все персональные данные власти решили держать на так называемых личных чипах...» «На чем?» – перебивала я. «Ах, ну да, – спохватывался отец, – ты же не знаешь... Раньше мы не всю информацию хранили в Системе. Были флешки, диски, чипы, платы...» «Смартфоны забыл», – бурчала мать.

Я слушала родителей вполуха, но улавливала главное. Биочасы появились не сразу.

Сначала власти оцифровали и отменили все бумажные документы. Все счета и персональные данные человека было решено хранить в мобильных телефонах с уникальным номером. Но телефоны терялись, ломались, а хакеры нелегально подключались к ним и воровали информацию.

Тогда власти, наконец, догадались привязать весь массив персональных данных к Единому идентификационному коду и попробовали слить на новый внешний носитель. Отец показывал потрепанный артефакт со смешным названием «чип»: маленькая черная штучка размером не больше дюйма. Терялась она еще быстрее, чем телефон. Ее копию можно было хранить в Сети, но подавляющее большинство населения путалось в многочисленных логинах и кодах доступа, эмиссариаты были завалены жалобами и просьбами о вос-

становлении паролей и забыты скандалящими на эту тему пенсионерами.

Начали думать над тем, как сделать доступ к персональным данным максимально простым для владельца и максимально сложным – для злоумышленника.

Происходило это все в две тысячи двадцатые, биотехнологии были уже неплохо развиты, а конкурс на биофак МГУ в Московии был прямо-таки неприличным.

Чип вшили под кожу. Самым удобным местом, конечно, была внутренняя сторона запястья правой руки. Провел запястьем по любому транскодеру – и готово. Одним и тем же движением ты можешь оплатить налоги или коммунальные услуги, пройти через турникет метро, купить продукты в магазине, включить зажигание персонального автомобиля... Больше не нужно искать в сумочке пропуск, когда приходишь на работу. Все по мановению руки и очень удобно. Больше никаких бумажек и карточек.

Первые миллионы добровольцев с энтузиазмом тестировали новое изобретение, но тут кто-то вспомнил, что в Откровении Иоанна Богослова, последней и самой мистической книге Библии – именно начертание на правой руке, без которого «нельзя покупать и продавать», названо признаком скорого Апокалипсиса. Эсхатологическая паника, с наслаждением раздуваемая средствами массовой информации, вспыхнула и понеслась как лесной пожар. Стало ясно, что в таком виде население Систему не примет.

Тут-то и подняла голову биобижутерия.

Оказалось, что носителем идентификационного кода необязательно должен быть вшитый под кожу чип с отчетливым эсхатологическим душком. Это могут быть биочасы. Или биокольцо. Или биосерьги. Да хоть запонка на пупок. (Часы, конечно, удобнее, но если это оскорбляет чувства верующих – нет проблем, биоби-мастера изготовят все, что хотите.) Милая и прелестная вещица, элемент моды и престижа, которая может быть частью тела, а может – просто украшением. Может коммутироваться с биофизикой человека (это, конечно, дороже и престижнее, потому что предоставляет дополнительные медицинские возможности), а может и нет (дешевле и проще). Это зависело исключительно от желания хозяина и толщины его кошелька. И полностью соответствовало духу времени абсолютной Свободы.

Теперь уже трудно было понять, кто кого породил: Система биобижутерию или биобижутерия – Систему. Очевидно было лишь, что одно без другого существовать уже не могло.

Сейчас мои биочасы показывали пять баллов. Это означало, что если я не исправлю ситуацию за три дня – прилетит беспилотник, чтобы отвезти меня в зону D. К отравленному воздуху и ядерным отходам.

...«Пилик», – я снова вздрогнула на своей скамейке, и это снова была не мама. «Температура вашего тела – 37,6». Раздражают меня такие уведомления. Захочу проверить темпе-

ратуру – сама это сделаю, нечего напоминать каждые пять минут. Давно собираюсь переставить в Универсуме режим «контроль здоровья» – с «по умолчанию» на «по требованию», но все руки не доходят. Но почему мама не звонит?

Я полезла в Универсум посмотреть мамину геолокацию. Она была в центре города и не в Сети. «Жива хоть?» – в панике подумала я и быстро залезла в ее медицинский профиль. Хвала Небу, пульс в данный момент сто десять ударов в минуту. Многовато, но у нее всегда так. Или волнуется. Что она делает в центре?

В папке личных сообщений от нее ничего не было. Зато висело четыре новых письма. Корпорация «Телемед» вежливо уведомила меня об ухудшении моего самочувствия, рекомендовала покой и обильное питье. Спасибо, без вас я бы не догадалась.

Банк прислал строгое письмо о прекращении обслуживания и необходимости погасить кредит в течение трех дней. Они там с ума совсем посходили, я теперь крипты где возьму?

Третье письмо было из эмиссариата. Соболезнующим тоном мне давались рекомендации по улучшению рейтинга (контроль над мыслями, позитив, правильное СС-поведение и прочий суповой набор, как называл это отец). В конце говорилось, что если я не добьюсь ощутимого результата в течение трех дней, то должна буду переехать в зону D, к людям соответствующего социального статуса.

А четвертое письмо было отправлено с неизвестного мне идентификационного кода. Отправитель не добавлялся ко мне в друзья, поэтому ни лица, ни профиля, ни рейтинга его я так и не увидела. Просто ник – некий Фил. И этот Фил был краток: «Добро пожаловать в отстой». Что ж, это хотя бы было по существу.

В профиле у меня исчезли все иконки доступных банков и магазинов. Значок «Биоби» побледнел и не откликался на нажатие. И удивительным образом почти вдвое сократилось количество друзей.

Да, но где же мама?

Я включила программу распознавания лиц и уточнила мамину геолокацию. Ага, вот она где. Системный храм в центре. Медитировать, значит, пошла. Вот и прекрасно. Во-первых, это ее успокаивает. Во-вторых, это значит, что у меня есть еще немного времени, чтобы что-то придумать...

«Пилим-пилим!» – биочасы запиликали на тон громче. И это был, к сожалению, не «Телемед» с уведомлением о температуре тела. Это был Тим.

– Ну что? – зазвучал в бионаушнике знакомый голос.

Я тяжело вздохнула. Он же видит, что.

– Тима, миленький, – начала я оправдываться, – прости меня, я все исправлю, я постараюсь, честное слово!..

– Заяц, – сказал Тим тревожно. – Этот вопрос надо срочно решать. Тебе дали три дня. Давай решим, как их провести с максимальной пользой.

Он, безусловно, был прав, но во мне шевельнулось раздражение. А он думает, я эти три дня как собираюсь провести? Завалиться на танцпол в зону А? Выдавать раздражение было нельзя.

– Хорошо, – сказала я кротко. – Давай решим, как правильно поступить.

В сущности, все произошедшее было чередой дурацких случайностей, я надеялась, что Тим это понимает. Я действительно опоздала с платежом по кредиту, но сделала это не из-за злого умысла, а из-за элементарной невнимательности – работала над сценарием и просто проморгала тот момент, когда стрелка часов перевалила за 20.00. А банковский день длился именно до двадцати часов.

Конечно, надо было просто отправить деньги немедленно – в банке увидели бы платеж утром. Или сделать это на следующий день утром, а потом поучаствовать в какой-нибудь благотворительной программе, чтобы поправить тренд, – именно так я и собиралась поступить.

Но на следующий день все опять пошло не так. До пяти утра я писала сценарий (да, там был этот Калигула, именно поэтому у меня такие запросы в Сети, неужели эмиссару не понятно?). А в восемь утра позвонил Валентин:

– Это ты что мне прислала? – спросил начальник.

Вопрос не предвещал ничего хорошего.

– Сценарий, – мрачно ответила я.

– Нет, ты мне прислала не сценарий. Ты мне прислала проходной текст, который может написать любой ломаный алгоритм. А мне нужен от тебя человеческий сценарий, поняла? Напомнить, зачем я тебя держу и сколько ты мне стоишь? На одну твою зарплату я могу купить два лицензионных алгоритма! Два! И они тут же окупятся!

Я вздохнула:

– Что не так со сценарием?

– Все не так, – голос Валентина как будто торжествовал.

– Абсолютно все не так! Нет главного! Че-ло-ве-чес-ко-го!

Он говорил почти час: громко, образно, явно любуясь собой и звуком своего голоса. Странная вещь: пока начальник говорит, всегда кажется, что он сообщает очень важные и правильные вещи по существу дела. А когда разговор заканчивается, с трудом можно выделить из вышесказанного одну или две расплывчатые мысли.

– Нечто человеческое, Лара! Был такой писатель Мо-эм!..

Насколько же плохо шеф кре-департамента формулирует мысли! И как он вообще в начальники попал? Тогда я только начинала осознавать горькую для всех трудоголиков истину: качество работы к построению карьеры не имеет вообще никакого отношения.

Уставшая и расстроенная, я села переписывать сценарий: Валентин дал сутки на исправление текста и пригрозил штрафом. Кредит не то чтобы совсем вылетел у меня из го-

ловы, но на этом фоне как-то отодвинулся на второй план.

А вечером я поссорилась с Тимом.

Тема была все та же – ребенок. Два десятибалльника ребенка завести не могли. Ну то есть могли, конечно, в Обществе-то абсолютной Свободы, – но это означало слишком большие налоги. Вот когда мы станем одиннадцатибалльниками и переедем в зону А – будет совсем другое дело: налога на первого ребенка в зоне А вообще нет, напротив, там мы смогли бы даже претендовать на небольшое пособие. Но время шло, а наши рейтинги не повышались.

Почему ничего не меняется, несмотря на все усилия? Этот вопрос периодически поднимался за семейным ужином, но сегодня он встал особенно остро.

Крупные ссоры всегда начинаются безобидно. Мы болтали о том, как организовать мой приближающийся день рождения – тридцать лет как-никак.

– Давай закажем авиакар и слетаем в зону А, – предложил Тим. – В Дубае я знаю отличный ресторан. Я там раньше часто ужинал. Дорого, конечно, для не местных, но что поделаешь...

Я ощутила острый прилив злости. Наверное, просто оттого, что не выпалась.

– Давай ты больше не будешь жертвовать ради меня собой, а потом выставять мне за это счет.

Говорить так, конечно, не следовало. За десять лет совместной жизни Тим ни разу не упрекнул меня за то, что пе-

реехал из зоны А. Он удивленно посмотрел на меня сквозь очки.

– А я и не выставляю никакой счет. Просто тебе исполняется тридцать лет. Юбилей как-никак. Я устал, и ты тоже, предлагаю нормально отметить и отвлекаться заодно. И потом, заяц, надо что-то решать с ребенком. Остался год. Если ты за год не улучшишь СС-поведение и не подрастешь – мы выйдем из квоты по детям... А ребенок заявлен в нашем позитивном плане. Если мы не выполним план, это сильно испортит тренды.

Про ребенка ему не стоило сейчас говорить.

– А почему, собственно, это я должна улучшать СС? Это что, из-за меня одной рейтинг не растет?!

Эти слова я произнесла склочным тоном, и дальше последовала безобразная сцена, во время которой я, честно говоря,хватила через край: разбила две тарелки, закричала, а потом и вовсе кинулась на Тима с кулаками...

Потом еще дня два мы выясняли отношения в Универсуме: я то блокировала Тима, то разблокировала, срочно требовала меня набрать и не отвечала на вызовы, плакала и обильно поливала слезами биочасы – вела себя неадекватно, что уж говорить, Система за такое здорово понижает тренды.

Только на третий день я сдала, наконец, Валентину сценарий и бурно помирилась с Тимом на любимом нашем диване в прихожей. Отдыхая после примирения, мы шутили и баловались, как дети. Тим весь был покрыт родинками, и я,

схватив раритетный маркер – мамин подарок, – стала рисовать у него на груди и плечах, соединяя родинки в узоры созвездий. Он смеялся и отбивался, а потом вдруг спросил:

– Зайчик, а ты кредит оплатила?

Я перепугалась. Точно! Кредит, скребать его! Я бросила маркер и немедленно отправила деньги.

Это было последнее воскресенье месяца – день, когда Тиму нужно было показываться в локальном офисе – он быстро выпил кофе и ушел. А я решила нормально позавтракать – строго в соответствии с рекомендациями «Телемеда» – йогуртовое суфле, красная рыба на пару и свежесжатый сок. Рыбы дома не было. Я зашла в приложение органической еды, отыскивала привычные кнопки «продукты на дом» и «лосось органический». И вдруг увидела надпись: «Этот продукт на вашем уровне недоступен».

Я вошла в Универсум и не поверила своим глазам. Семь баллов. Зеленая рамка профиля. Не может быть.

...То же самое твердил мне сейчас в бионаушнике голос Тима:

– Заяц, это не может быть серьезной проблемой. Из-за одной просрочки такого не бывает. Ты раньше всегда вовремя платила кредиты. У тебя есть человеческая работа. Ну поспорились, покричали – с кем не бывает? Да, проучила тебя Система, надо быть сдержаннее. Теперь надо просто подобрать программу исправления ситуации. О!

– Что?

– Поговори-ка с Валентином, – предложил Тим. – У него есть связи в эмиссариате, я знаю. Может, рекомендацию даст или еще что-то...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.